

Хроника научной жизни

Международная конференция «Советская многонациональная литература как имперская практика»

(Дрезденский университет, Венецианский университет Ка-Фоскари,
24–25 октября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_402

Конференция «Советская многонациональная литература как имперская практика», организованная совместными силами Института славистики Дрезденского университета и Кафедры лингвистики и сравнительного изучения культур Венецианского университета Ка-Фоскари, стала еще одной в череде научных событий, посвященных проблемам изучения советского культурного производства. Ей предшествовали три другие международные конференции — «Многонациональная советская литература»: идеология и культурное наследие»¹ (НИУ ВШЭ, 24–25 мая 2019 года), «Эстетика коммунизма: Теории и институции»² (ИМЛИ РАН, Венецианский университет, 1–3 октября 2021 года) и «От Оргкомитета Союза советских писателей к I Всесоюзному съезду советских писателей: Организационные стратегии, источники финансирования, эстетические теории, художественные практики (1920–1950-е годы)» (ИМЛИ РАН, 16–17 октября 2024 года). Растущее внимание к институциональной и культурной истории «государственной словесности»³, с одной стороны, маркирует очередной этап в складывании международного

- 1 См.: Козицкая Ю.М. Международная конференция «“Многонациональная советская литература”: идеология и культурное наследие» (НИУ ВШЭ, Москва, 24–25 мая 2019) // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 434–439.
- 2 См.: Попова В.Ю. Эстетика коммунизма: Современные прочтения. [Обзор на:] Международная научная конференция «Эстетика коммунизма: Теории и институции» // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (176). С. 412–425. По итогам конференции в Отделе рукописей ИМЛИ РАН был подготовлен очередной выпуск сериального научного издания «Codex Manuscriptus» (см.: Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5: Эстетика коммунизма: Теории и литературные практики / гл. ред. Д.С. Московская, отв. ред. Р.Е. Клементьев).
- 3 О внимании исследователей к различным организационным аспектам советского литературного производства свидетельствует, например, появившийся в № 6 (190) журнала «Новое литературное обозрение» за 2024 год блок статей «На пути к “государственной” словесности: Институты и практики» (сост. Д.М. Цыганов).

сообщества специалистов, чья деятельность преодолевает инерцию пресловутой «советологии» — продукта холодной войны, — но, с другой стороны, фокусирует внимание интеллектуального сообщества на инструментальной недостаточности рамок, категорий, критериев и принципов, при помощи которых принято описывать культурную жизнь «закрытых» обществ со сложно устроенными внешними и внутренними границами.

Непублицистический нарратив о «многонациональной советской литературе» начал конструироваться еще конце 1940-х годов, когда постепенно стали осуществляться замыслы по созданию академических историй литератур. Объемной серией «Очерков»⁴ открылся путь к появлению многотомных изданий⁵, центральное место в которых закономерно занимала «русская советская литература». Такая диспропорция определялась представлением об эстетической неравнозначности составных компонентов социалистического литературного проекта, которое брало истоки еще в дискуссиях 1920-х годов. По мысли пролеткритиков, далеко не каждая национальная культура располагала своими «классиками», пригодными для исполнения функции литературного «образца»; ср.: «Старая литература узбеков (как и некоторых других народов Востока) является литературой баев, мулл и т. д. Она насквозь пропитана духом боевого исламизма и национальной нетерпимости. Таким образом, этих “классиков” использовать почти невозможно. Вот почему, между прочим, мы видим, как медленно, с трудом создаются организации пролетарских и крестьянских писателей в ряде стран советского Востока»⁶; «В условиях господства российского империализма в Казахстане в прошлом не могло создаваться не только классической литературы, <...> но и светской литературы в полном смысле этого слова. В прошлом мы имели три категории литературы: устной (народной), религиозной и зачатки советско-националистической. <...> До революции у нас не было классической литературы. Классическая литература начала создаваться лишь после Октябрьской революции»⁷. Из этого якобы следовало, что «русская классика» теряла номинально присущий ей идентитарный характер и стано-

4 См., например: Очерк истории белорусской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1954; Очерк истории украинской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1954; Очерк истории русской советской литературы: [В 2 ч.]. М.: Изд-во АН СССР, 1954—1955; Очерк истории литовской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Очерк истории таджикской советской литературы. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1955; Очерк истории якутской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Очерк истории мордовской советской литературы. Саранск: [б. и.] 1956; Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956; Очерк истории латышской советской литературы. Рига: Латгосиздат, 1957; Очерки истории удмуртской советской литературы. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957; Очерк истории казахской советской литературы. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1958; Очерк истории казахской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Очерки истории киргизской советской литературы. Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961; Очерк истории азербайджанской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Очерк истории молдавской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1969.

5 См., например: История советской многонациональной литературы: В 6 т. М.: Наука, 1970—1971.

6 Селивановский А. За единство национальных отрядов пролетарской литературы // На литературном посту. 1928. № 5. С. 35. Примечательно, что при помощи не характерных для такого контекста кавычек «классичность» в приведенном фрагменте поставлена под сомнение.

7 Байдильдин А. Казакская литература в «Литературной энциклопедии» // На литературном посту. 1929. № 14. С. 70.

вилась общим «наследством» — основанием, на котором будет возведена «советская многонациональная литература». (Это, в свою очередь, не оставляло республиканским авторам возможности творческого выбора — подражать следовало тем писателям, которые оказались в рамках «классического» каноны, потому как такое подражание было единственным надежным способом преодолеть замкнутость национальной литературной традиции и проникнуть в пространство «социалистического» искусства.) Однако речь скорее должна идти как раз о реализации национально-специфической колониальной идеологии, заключенной в «классике» как в одной из наиболее стабильных категорий культуры. Подтверждение этой мысли прочитывается в тревожных словах В. А. Сутырина, прозвучавших с трибуны Первого Всесоюзного съезда пролетарских писателей на вечернем заседании 4 мая 1928 года:

<...> Советский Союз построен на развалинах того самого государства, той самой царской империи, которая во-первых об<ъ>единила в себе, об<ъ>единила конечно по велико-державски, об<ъ>единила при помощи великодержавного угнетения огромное количество национальностей и этот факт — много-национальность нашего Советского Союза плюс остатки старого великодержавнического наследия, они создают величайшую важность решения национальной проблемы для пролетарской литературы Советского Союза. <...> На деле у нас происходит следующее: во-первых у нас установилась такая терминология, — говорят: русская и национальная литература, русское и национальное искусство, национальная живопись, национальный театр. <...> Раз получается такое дело, что есть русская и национальная культура, раз получается иллюзия, что русская литература не имеет оболочки, то очень часто русский писатель чувствует себя сверх-националом <...>. Эта вещь вредная и неправильная, которая влечет за собой великодержавное отношение к литературе ранее угнетавшихся национальностей⁸.

Очевидная потребность в ревизии этого не преодоленного до сегодняшнего дня риторического наследия раннесталинской эпохи стала поводом к детальному разговору о «путях и тупиках» этой темы, получившей совершенно особое звучание в несколько последних лет.

В то же самое время конференция оказалась вписана во вполне конкретный полемический контекст, сформированный в последние несколько десятилетий целой серией исследований, среди которых: «Империя “положительной деятельности”: Нации и национализм в СССР, 1923—1939» (2001; на рус. яз. — 2011) Терри Мартина, сборник «Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина» (2001; на рус. яз. — 2011) под редакцией Рональда Суни и Терри Мартина, «Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931—1956» (2002; на рус. яз. — 2009; 2017) Дэвида Бранденбергера, «Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза» (2005; на рус. яз. — 2022) Франсиса Хирша, «Создание Узбекистана: Нация, империя и революция в раннесоветский период» (2015; на рус. яз. — 2022) Адиба Халида и др. Методологическая перспектива состоявшейся конференции выстраивалась на пересечении нескольких направлений современного гуманитарного знания — культурной истории (cultural history), институциональной истории (historical institutionalism), интеллектуальной истории (intellectual history), постколониальных исследований (postcolonial studies) и так

8 Доклад В.А. Сутырина по национальному вопросу на Первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей, 4 мая 1928 года // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 282. Л. 7—9.

называемых «имперских исследований» (imperial studies). Стремление к продуктивному синтезу подходов в совокупности с широким хронологическим спектром весьма разнородного материала, рассмотренного в докладах, не только обнаружили пути к дальнейшим «разысканиям» в области «археологии советского», но и, что, как кажется, куда важнее, указали на те сегменты «советского», которые до сих пор не поддаются «внеаходимому» рассмотрению и силой собственной идеологической специфичности снижают уровень научной дискуссии. Всем этим и было очерчено проблемное поле конференции, «межеванием» которого на протяжении двух дней занимались докладчики.

Во вступительном слове организаторы конференции *Евгений Добренко* (Венецианский университет Ка-Фоскари, Италия) и *Клавдия Смола* (Дрезденский технический университет, Германия) обратили внимание собравшихся на не вполне очевидную сложность по-прежнему стоящих перед специалистами вопросов: получившее обоснование в специальных работах представление о проекте советской многонациональной литературы попросту не вмещает того многообразия открывшихся в последние годы фактов, которое коренным образом меняет представление об организации культурного производства в СССР. Расширение исследовательского поля⁹ и активное включение в него национально-специфического материала, ранее рассматривавшегося как итог всевозможных эстетических девиаций «советского», проблематизирует понятие культурной границы и ведет к ревизии утвердившихся подходов к советской литературе и — шире — культуре как к сверхцентрализованной целостности с внятно определенными центром и периферией. Дело в том, что вечно ускользающая, подвижная картина интеллектуальной жизни в разные периоды существования СССР не может быть определена и описана лишь через какой-либо один пусть и безусловно доминировавший на каком-то временном отрезке параметр — будь то разветвленная институциональная система, многонациональный эстетический канон, мультикультурный трансфер, синхронное и диахронное взаимодействие культурных «традиций» и прочее. Уйдя от деформирующего влияния метода и избрав предельно широкую имперскую рамку¹⁰, ор-

-
- 9 Подробнее см.: *Гюнтер Х.* Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 287—299; *Янковская Г.А.* Изобразительное искусство эпохи сталинизма как проблема современной российской и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2007. № 3 (8). С. 128—136; *Добренко Е.А.* 1) О советских сюжетах в западной славистике // СССР: Жизнь после смерти: Сб. статей. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 27—34; 2) Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 3—17; 3) Читая сталинизм: Сталинская культура как исследовательское поле // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 104—124; *Цыганов Д.М.* Интеллектуальная история литературы сталинизма: Библиографический обзор // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 1. С. 107—126.
 - 10 Примечателен тот ощутимый скачок, который произошел в осмыслении советской многонациональной литературы в контексте имперских практик за несколько последних лет. Еще несколько лет назад исследователи писали лишь об «имперских импликациях» (ср.: *Франк С.* Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 230—247), избегая резких и столь однозначных оценок в деле определения характера сталинского литературного проекта, или, если и применяли имперскую рамку к советскому материалу, то старались не делать акцент на сугубо политических аналогиях (ср.: *Скаков Н.* Культура Полтора // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 104—123). См. также: *Zaslavsky V.* Collapse of Empire — Causes: Soviet Union // Barkey K., Hagen M. von (Eds.). After Empire.

ганизаторы подчеркнули свое стремление привести в разговор о советской литературе искомую тематическую многоаспектность, которая не дезориентирует профессиональное сообщество, но, напротив, обнаружит продуктивные направления последующих исследований. Секционное деление, по мысли организаторов, как раз и должно было наметить «силовые линии», становящиеся ориентирами для разнонаправленных потоков интеллектуальной энергии.

Работа первой секции была посвящена институциональным рамкам, при помощи которых проект советской многонациональной литературы вписывался в советскую административно-политическую систему и, задействуя вполне конкретные организационные механизмы, обеспечивал себе относительно стабильное существование на протяжении нескольких десятилетий. Секцию открыл доклад Юлии Козицкой (Назарбаев Университет, Астана, Казахстан) «*Казахская литература для советских читателей: Казахские авторы на страницах московских журналов*». В центре внимания докладчицы — процесс формирования канона казахской советской литературы как составной части проекта многонациональной литературы посредством публикации переводов с казахского языка в московском журнале «Новый мир» в 1930-е годы¹¹. Выбранные для публикации тексты создавали у советского читателя определенное представление не только о казахской литературе, но и о «советском проекте» в Казахстане¹² в целом. Очевидно, что они в первую очередь должны были свидетельствовать о поддержке казахскими авторами советского режима. Особый интерес для Козицкой представляет процесс отбора текстов казахских писателей для печати; она отмечает, что переводы с казахского начали появляться в московской прессе лишь в 1930-е годы, и изначально число их было незначительным. Пик интереса пришелся на 1930-е и был вызван не столько Первым Всесоюзным съездом советских писателей, проходившим с 17 августа по 1 сентября 1934 года, сколько состоявшейся в Москве во второй половине мая 1936 года Декадой казахской литературы и искусства. Примечательно, что публикации переводов с казахского языка почти всегда предшествовали заявлениям казахских писателей о том, что московские журналы предъявляют к авторам из советских республик большие требования и не хотят принимать активное участие в подготовке текста к печати, требуя присылать в редакцию уже полностью подготовленный к печати литературный перевод. При этом ряд казахских писателей (в их числе — И. Джансугуров, С.М. Муканов, С.С. Сейфуллин) были заинтересованы в публикации своих текстов в московских журналах, поскольку появление переводов в центральной прессе способствовало укреплению их статуса на родине. Козицкой представляется важным, что публикация переводов была мотивирована не только литературными, но и политико-идеологическими процессами, происхо-

Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. Boulder: Westview Press, 1997. P. 73–98; *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 163–196; *Кашу И.* Был ли Советский Союз империей? Взгляд из Кишинева // Неприкосновенный запас. № 4 (78). С. 123–134.

- 11 Доклад Козицкой концептуально развил положения, намеченные в ее диссертации 2021 года; см.: *Козицкая Ю.М.* Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.] 2021.
- 12 См.: *Kudaibergenova D.* Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. Lanham: Boulder; New York; London: Lexington Books, 2017; *Аманжолова Д.* Советский проект в Казахстане: Власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019.

дившими в СССР. Существенную роль в процессе отбора текстов для публикации играли знакомства казахских писателей с писателями и редакторами в Москве и налаженные связи в издательствах. Московские журналы, в свою очередь, также были настроены на сотрудничество, поскольку не должны были ограничиваться лишь текстами писателей из РСФСР. Таким образом, процесс появления текстов казахских авторов в московских журналах является примером сложной системы взаимоотношений центра и периферии. С одной стороны, очевидно зависимое положение так называемых национальных писателей, которые были встроены в легко реконструируемую иерархию, существовавшую в советской многонациональной литературе. С другой же стороны, и активная позиция казахских писателей, и активность центральных журналов выходят за рамки типичных колониальных отношений между советским имперским центром и советскими республиками. В финале доклада Козицкая еще раз указала на то, что история публикации в прессе переводных текстов, созданных казахскими писателями, отражает процессы, происходившие не только в литературной жизни отдельной советской республики, но и в советской литературе в целом.

Тема «присутствия» инокультурных текстов в культурном поле советского центра получила развитие в докладе *Аллы Бурцевой* (РГГУ, Россия) «*“Мы приехали не ради простого любопытства”: Писательские бригады и проект альманахов в Туркменистане 1930-х годов*». Докладчица сфокусировала внимание на оформлении новой советской туркменской литературы¹³ посредством деятельности писательских бригад и вышедших по результатам поездок в 1930-е годы альманахов. Сам проект включал в себя два различных направления — литература Туркменистана и литература о Туркменистане. Бурцева рассмотрела два альманаха — «Айдинг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936), которые стали результатом сотрудничества, а также чисто туркменский альманах «Солнечный Туркменистан» (он был издан в Ашхабаде в 1939 году и закономерно не мог занять того же места в литературном поле, что и альманахи, издававшиеся в Москве; однако он может считаться результатом локальной реализации проекта 1930-х годов в Туркменистане). В альманахи вошли и тексты русскоязычных писателей, и переводы с туркменского (в основном поэзии советского периода, но также и прозы, фольклора и произведений досоветских авторов). По словам Бурцевой, внимательное рассмотрение содержания альманахов, а также сопутствующих архивных материалов может открыть совсем иной взгляд на формирование советской многонациональной литературы, или, иначе говоря, «литературы советской периферии». Работа же писательских бригад, которым пришлось сотрудничать с туркменскими писателями, должна рассматриваться как составная часть этого проекта. Дело в том, что процесс поиска новой (как туркменской, так и советской) национальной идентичности,

13 Бурцева последовательно развивает это направление исследований, о чем свидетельствуют ее публикации последних лет; см., например: *Бурцева А.О.* 1) Познание «изнутри» и «снаружи»: Литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. // *Текстология и историко-литературный процесс*. М.: Буки Веди, 2020. С. 160—175; 2) Стратегии перевода туркменской поэзии из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык: Предварительные наблюдения // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 3—4. С. 125—148; 3) Конструирование туркменской литературы в СССР в середине 1930-х годов: От колониального гнета к сталинскому раю // *Шаги/Steps*. 2022. Т. 8. № 4. С. 303—317; 4) Писательская бригада в Туркменистане 1930-х годов: От путешествия к производству литературы // *Новое литературное обозрение*. 2024. № 6 (190). С. 152—164. См. также: *Бурцева А.О.* Проект советской национальной литературы в 1930-е годы (на материале туркменских альманахов): Дисс. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.] 2023.

предполагавший неизбежное *взаимовлияние*¹⁴, отразился в примерах репрезентации Туркменистана в текстах русскоязычных писателей (а также переведенных с языков других советских республик). Все это привело к тому, что две модели — социалистического реализма и туркменской поэзии — образовывали сложные взаимонаправленные отношения, потому как туркменским писателям пришлось примирить в своей творческой практике советскую литературную идентичность с «традиционными» формами, а отчасти и с сюжетными моделями. Русскоязычным писателям, в свою очередь, пришлось показать, что они приехали не столько «учить», сколько сотрудничать с туркменскими авторами.

Заключительный в этой секции доклад *Дмитрия Цыганова* (ИМЛИ РАН, Россия) «*Сталинская премия по литературе и производство локальных художественных идентичностей в советских республиках*» хотя и продолжил поиски автора в области институциональной истории сталинской культуры¹⁵, но в отношении анализируемого материала вышел за пределы ранее освоенного. Цыганов рассматривает институт Сталинской премии по литературе как один из главных механизмов реализации национально ориентированной культурной политики в период 1940-х — начала 1950-х годов. Важным аспектом этой темы стал вопрос о степени институализированного влияния центра на процесс складывания локальных художественных идентичностей на «периферийных» территориях Советского Союза. Доклад был посвящен теоретическому осмыслению неоднозначной проблемы экспансивности «основного метода» по отношению к национальным художественным традициям¹⁶. С точки зрения докладчика, насаждение социалистического реализма в советских республиках приводило к неизбежной деформации «эстетической доктрины», вследствие чего появлялись ее многочисленные локальные варианты. «Национальная форма» и «социалистическое содержание» в них смешивались, а порой выступали как взаимозаменяемые элементы. Цыганов поставил под сомнение правомерность рассуждений об одностороннем влиянии, «эстетическом диктате» как о главных способах реализации национально ориентированной культурной политики. По мысли докладчика, речь скорее должна идти о взаимодействии соцреалистической (то есть идущей из центра) и локальных (то есть сформированных на периферии) творческих практик, а также о характере присутствия в якобы гомогенном и целостном соцреалистическом каноне национально специфических произведений — не только литературных текстов, унифицированных силами переводчиков, но и, на-

14 Подробнее см.: *Edgar A.L. Tribal Nation: The making of Soviet Turkmenistan*. Princeton: Princeton University Press, 2006; *Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2021.

15 См., например: *Цыганов Д.М.* 1) Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х гг.: Институциональный контекст формирования соцреалистического канона // Летняя школа по русской литературе. 2021. № 3—4. С. 347—370; 2) Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // *Rossica. Литературные связи и контакты*. 2022. № 2. С. 191—268; 3) Сталинская премия по литературе в контексте институциональной истории культуры позднего сталинизма: Библиографический обзор // Текстология и историко-литературный процесс. М.: Common place, 2022. Вып. 9. С. 168—186; 4) Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2023; 5) Сталинская премия по литературе: Институциональное измерение эстетики социалистического реализма (1940—1950-е годы) // eSamizdat. 2024. Vol. XVII. P. 45—64.

16 Подробнее см.: *Frank S. «Critical Appropriation of Literary Heritage» and the Shaping of Soviet National Literatures: A Close Reading of the Debate in the Journal Literaturnyi kritik* (The Literary Critic, 1933—36) // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. № 4. P. 891—913.

пример, произведений изобразительного искусства. В свете тезиса о подобном взаимодействии докладчик рассматривает стремление Сталина к подавлению «национального возрождения» в советских республиках, которое интерпретировалось пропагандой как «националистический бунт». По мысли Цыганова, именно этот процесс определил не только противоречивое отношение членов Комитета по Сталинским премиям к национально-специфическому материалу (например, к романам С.М. Муканова и К.С. Гамсахурдиа, М.О. Ауэзова и В.Т. Лациса, стихам М.П. Бажана и В.Н. Сосюры, Якуба Коласа и Янки Купалы, пьесам А.М. Якобсона и И.О. Мосашвили, А.Е. Корнейчука и Самеда Вургуня и т.д.), но и риторические модели, характерные для эстетических суждений об образцах «чужих» (и нередко «чуждых») «культурных традиций». В свете детального рассмотрения архивных материалов Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 2073; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а), фондов различных подведомственных аппарату ЦК организаций и административных органов, опубликованных воспоминаний, дневниковых/мемуарных свидетельств и прессы сконструированная учеными «колониальная» рамка¹⁷ соцреалистической экспансии, отводящая союзным республикам роль «жертвы» эстетического подавления, подверглась критическому осмыслению.

Три доклада второй секции стремились выявить пределы аналитической применимости к советскому интеллектуальному и творческому «наследию» различных концептуальных рамок. Доклад *Евгения Добренко* (Венецианский университет Ка-Фоскари, Италия) *«Тропология братства: Поэтика сталинского имперского воображения и гомогенизация советского пространства»*, ставший логическим развитием ранее сформулированных идей¹⁸, послужил методологическим «манифестом» и, если угодно, *оправданием* темы конференции. В докладе на XXIX Банных чтениях в апреле 2023 года исследователь признавался:

Много лет я работаю над книгой «Империя слов: Советская многонациональная литература и имперское воображаемое». Проект этот изначально возник как сугубо историко-литературный. Мне хотелось понять, как сформировался и работал этот уникальный продукт имперского культурного строительства. Хотя число работ о национальных литературах в советскую эпоху растет с каждым днем, почти все они строятся в жанре, который я называю национальным плачем: это история расцвета после революции и гибели национальных литератур в сталинскую эпоху¹⁹.

И далее заключал:

Советская многонациональная литература изначально была вполне имперским проектом. Однако институционально, идеологически и эстетически она произвела не- и даже антиимперское пространство. Оно складывалось на протяжении всей советской истории в качестве непредвиденного побочного продукта, но оказалась едва ли не единственной доступной площадкой и основным источником для формирования национального сознания на имперских окраинах СССР. Причем речь идет не о национальных, но именно о «всесоюзных» площадках.

17 Подробнее см.: *Абашиш С.* Советское = колониальное? (За и против) // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 28–48.

18 См.: *Добренко Е.А.* «“Чувство семьи единой”»: Риторика братства и советское имперское воображаемое в поэзии народов СССР сталинской эпохи» // Доклад на конференции «“Многонациональная советская литература”: Идеология и культурное наследие». Москва. НИУ ВШЭ, 24 мая 2019 года.

19 Цит. по: *Добренко Е.А.* Советская многонациональная литература как имперский проект и как вызов империи // Новое литературное обозрение. 2024. № 4 (188). С. 245.

<...> Советская литература была не «национальной по форме», но этнической. В строгом смысле она была не многонациональной, но многоэтнической. Ее задача была в том, чтобы *не позволить этносу стать нацией. Движение к имперскому универсализму предполагает этнический партикуляризм* в виде поддержки этнических стилей, традиций, фольклора, различных форм «национальной культуры» и т.п. Иными словами, эта империя сама порождает неимперское пространство²⁰.

Прозвучавший в Дрездене теоретический по толку доклад Добренко во многом уточнил выводы предшествовавших исследований²¹, но концептуально остался в ранее намеченных рамках. Ключевой тезис этого доклада состоял в том, что силами партфункционеров от литературы и посредством всевозможных организационных ресурсов создавалось гомогенное эстетическое пространство, в котором частные национально специфические различия культурных «традиций» попросту переставали восприниматься как релевантные в контексте социалистической (и соцреалистической) «гегемонии братства». С точки зрения докладчика, главной движущей силой многонационального литературного проекта как одного из ведущих компонентов создания единой советской нации была именно партийная номенклатура, стремившаяся к имперской (антинационалистской, а значит, интернационалистской) модели организации литературы. Таким образом, по мысли Добренко, организационные структуры литературного производства становились продуктом имперской инженерии, а дискурс РАППа о литературе с его псевдоклассовой партийной риторикой и репрессивной критикой успешно распространялся на все культурное пространство многонациональной страны. Позднее созданные рапповцами институциональные практики и опыт «консолидации» национальных литератур перешли в Союз советских писателей. Сложившаяся институциональная система, подкрепленная серьезным управленческим ресурсом, становилась как бы «общим знаменателем» для всех национальных литератур, насильно втянутых не столько в производственные отношения, сколько в само «бытие» советского литературного проекта, определявшее «сознание» его устроителей и участников. Доклад Добренко, поставивший под сомнение характерные для постколониального поворота тезисы о культурной самодостаточности периферии и ее способности влиять на центр²², о существовании *локальных вариантов* социалистического реализма, спровоцировал дискуссию среди участников, определившую тон последующих докладов.

20 Цит. по: Там же. С. 246, 248. Заметим, что за несколько лет до Добренко об этническом партикуляризме писал Н. Скаков в вышеупомянутой статье «Культура Полтора»; ср.: «Концепция дружбы народов — дружбы, чьей окончательной целью было достижение однородности, создание единой нации, единого советского народа, — отличалась амбивалентностью. Следуя указанной установке на единообразие, культурные агенты советской империи путем партикуляризации старались унифицировать жизнь восточных республик» (Скаков Н. Культура Полтора. С. 108).

21 Помимо процитированной выше статьи стоит упомянуть и несколько более объемных текстов; см., например: Добренко Е.А. 1) Найдено в переводе: рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 236—262; 2) Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922—1932 // Slavic Review. 2023. Vol. 81. № 4. P. 869—890; 3) Гегемония братства: Рождение советской многонациональной литературы, 1922—1932 // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5. С. 15—128

22 Подробнее об этих тезисах см.: Толстанова М. 1) Постколониальный удел и деколонизальный выбор: Постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161) С. 66—84; 2) Деколонизальность бытия, знания и ощущения: Сб. статей. Алматы: Центр современной культуры «Целинный», 2020. С. 88—108; 110—126.

Доклад Ульяны Вериной (Ольденбургский университет, Германия) «Призрак возрождения: Белорусская литература на пути к “многонациональной советской литературе”», хотя и был построен на анализе конкретного национального материала, все же имел и довольно выраженную концептуальную установку, вступавшую в противоречие с ранее озвученными тезисами Добренко. Верина, опираясь на работы о «национальном возрождении» 1920-х — начала 1930-х годов²³, связывает это явление с политикой коренизации и установлением территориальных границ суверенных республик. Границы Беларуси включали исторически транснациональные территории, а с 1922 по 1936 год в республике было четыре государственных (!) языка — белорусский, идиш, польский и русский. Политика коренизации подразумевала равноправное развитие всех национальностей, но «белорусизация» последовательно проводилась как «политика большинства». Это создавало иллюзию автономии и определяло процесс как «возрожденческий», соответствующий нацистроительству. Разницу между контролируемым национальным «возрождением» и реальным этапом развития, которого достигла белорусская литература к середине 1920-х годов, демонстрирует программа и творческая практика объединения «Узвышша» (в переводе на русский — подъем, 1926—1931). Объединение это провозгласило приоритет эстетического совершенства и сформулировало принцип «адраджанства» («возрожденчества»), подразумевавший ориентацию на традиции, уже сложившиеся со времени национального возрождения, которое произошло в белорусской культуре на рубеже XIX—XX веков. Такая позиция подверглась резкой критике, так как она противоречила концепции национально-государственного строительства, осуществлявшейся советской властью «с нуля», а также выходила за рамки национальной литературы на этапе ее становления. Осуществленный докладчицей анализ литературно-критических материалов и архивных документов из фондов НАРБ (Ф. 4 (Коммунистическая партия Белоруссии)) и Белорусского государственного музея-архива литературы и искусства (Ф. 225 (Всебелорусское объединение поэтов и писателей Маладняк)) хронологически охватывает изменение институциональных взаимоотношений литературных объединений от национальных секций в рамках объединения пролетарских писателей Маладняк до Союза советских писателей, включая краткий эпизод проекта Всебелорусского объединения писателей (1926), ставившего своей целью объединение всех литературных групп. В докладе концепция возрождения рассматривается Вериной как способ мононационализации белорусской литературы для последующего ее включения в «многонациональную советскую литературу» как исключительно белорусскоязычной²⁴.

Завершил секцию Илья Кукулин (Стэнфордский университет, США), выступивший с докладом «Ориентализм как модернизм: Ориентальная стилизация в советской культуре». По словам Кукулина, прозвучавший доклад развил концепцию, впервые представленную им в 2021—2022 годах²⁵. Так как социалистический реализм был основан на «вытеснении» следов модернизма в культурах советских народов, целый ряд писателей, художников и кинематографистов изобрели способ маскировать и одновременно оправдывать обращение к модернистским

23 См., например: *Hryn H. The Executed Renaissance Paradigm Revisited // Harvard Ukrainian Studies. 2004—2005. Vol. 27. № 1—4. P. 67—96.*

24 Подробнее см.: *Veryna U. Russian-language Writers in the Transnational Literary Space of Belarus in the 1920s — early 1930s: Paradoxes and the Inevitability of the Collective Project's Failure // Studia Białorusińskie. 2023. Vol. 17. P. 139—158.*

25 Ср.: *Кукулин И.В. Orientalism as modernism: Oriental stylization in Soviet culture (1930—60s). Доклад на конференции: The Soviet Project of World Literature and its Legacies, Berlin, Leibniz-Zentrum für Literatur- und Kulturforschung, 9—11 декабря 2021 г.;*

традициям в искусстве. Такими способами оправдания были ориентализм (состоящий из самоэкзотизации художников «республик Востока» и внешней экзотизации в произведениях «из восточной жизни», созданных авторами имперского центра), обращение к древней истории и к эстетике волшебной сказки. В центре внимания Кукулина оказался роман М.Д. Симашко «Маздак» (1968) и фильм Б.В. Рыцарева «Волшебная лампа Аладдина» (1966). Основную часть доклада занял анализ художественных стратегий, использованных в творчестве двух известных армянских художниц советского времени — Мариам Асламазян (1907—2006) и Ерануи Асламазян (1909—1998). Обе они были ученицами российских художников-модернистов, но придавали собственным произведениям стилизованный «восточный колорит», который и оправдывал в глазах цензуры и критиков черты модернистского стиля — орнаментальность, мифологическую образность, использование чистых цветов и пр. Кукулин показал, что произведения Мариам Асламазян 1950—1970-х годов, изображающие реалии деколонизированных стран Азии и Африки, были встроены в сети отношений СССР с этими странами (и тем самым — в советские стратегии «мягкой силы»), что давало еще одну легитимацию модернистской эстетики: картины, которые можно было использовать для «культурной дипломатии», потенциально были обращены не только к советским, но и к иностранным зрителям — а для них модернистская эстетика была намного более привычной и понятной, чем в СССР. Вывод докладчика состоял в том, что вообще обращение к ориентализму в советской культуре могло быть использовано не только для «реабилитации» модернизма, но и для построения иносказательных нарративов и привел в качестве примера антиавторитарную диалогию Л.В. Соловьева о Ходже Насреддине.

Проблематика третьей секции локализовалась в области многонационального канона, который являлся продуктом работы советской литературной индустрии сталинской эпохи. Галин Тиханов (Лондонский университет королевы Марии, Англия) посвятил свой доклад «Начался ли Ренессанс на Кавказе, или Как мыслить литературную историю глобально?» анализу одного сюжета из широкой дискуссии о «предыстории» проекта советской многонациональной литературы, а именно — полемике вокруг пригодности Ренессанса как обозначения, которое потенциально может служить для интерпретации определенных периодов литературной и культурной истории за пределами Запада. Целью доклада стала реконструкция логики аргументов в пользу «Восточного Ренессанса» и проверка их актуальности для сегодняшних нужд деколонизации изучения «мировой» литературы²⁶. Отправной точкой рассуждений Тиханова о глобальном Ренессансе стал сборник статей советского востоковеда, академика АН СССР Н.И. Конрада «Запад и Восток» (1966; 2-е издание, исправленное и дополненное — 1972), в котором была напечатана статья «Об эпохе Возрождения». Важным положением концепции Конрада Тиханов видит утверждение о том, что Ренессанс начался не в Италии, а в Китае в VIII веке н. э., в так называемом движении «фугу» — движении «за возврат к древности». Пользуясь

Воскрешение советского «нацмодернизма» 1920—30-х годов в современных гуманитарных исследованиях: Историографические заметки. Доклад на конференции к 100-летию подписания договора об образовании СССР. Университет Лозанны, 22—24 ноября 2022 г. См. также: Кукулин И.В. Русская литература во главе «младших братьев». (Эпизод из новейшей истории российского школьного образования) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 414—429.

26 Подробнее см.: Tihanov G. World Literature in the Soviet Union: Infrastructure and Ideological Horizons // World Literature in the Soviet Union / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbury, R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. P. 1—23.

наработками Конрада, Тиханов восстанавливает более широкий контекст теории «Восточного Ренессанса», разработанной в 1940—1960-х годах в Грузии и Армении; он также адресует к работам Ш.П. Нуцубидзе «Руставели и Восточный Ренессанс» (1947) и В.К. Чалояна «Армянский Ренессанс» (1963), также упомянутым в работе Конрада. По словам Тиханова, важным контекстуальным фактором для теоретического обоснования этой концепции служила сталинская национальная политика в начальный период холодной войны, когда перед советским партийным руководством стояла задача снизить культурный авторитет Запада и перенести идеологический «центр тяжести» на «дружественный» Восток.

Если Тиханова волновала «предыстория» советского литературного проекта, то Клавдия Смола (Дрезденский университет, Германия) в докладе *«Писатели как политики: Многонациональная советская литература в перестройку и 1990-е»* сосредоточилась на анализе ситуации, сложившейся после распада многонационального канона. Почти полная ликвидация институциональной системы литературного производства в перестройку и ее окончательный крах в 1990-е годы повлекли приобщение многих писателей из бывших республик как к реализации государственной национальной политики, так и к управлению делами национальностей на местах. В докладе Смола остановилась на разборе нескольких подобных случаев. Так, в октябре 1986 года киргизский писатель Ч. Т. Айтматов основал Иссык-Кульский форум, который объединил интеллектуалов из государств «советского блока» и представителей стран Запада для обсуждения основных глобальных проблем. (С 1990 года Айтматов возглавлял советское, а затем российское посольство в Люксембурге.) Другим примером стало участие ненецкого писателя В.Н. Ледкова в конференции писателей коренных народов под эгидой ЮНЕСКО в 1985 году и в конференции писателей уральских языков в Финляндии в 1992 году; позже он посетил Скандинавию с целью рассказать о нависшей над ненецкой культурой угрозе. В те же годы белорусский писатель В.В. Быков был избран народным депутатом СССР и вошел в Межрегиональную депутатскую группу, а хантыйский писатель Е.Д. Айпин стал членом Совета народных депутатов, а затем представлял администрацию президента Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе в 1992—1994 годах; он также выступал за сохранение культуры народов Югры. На основе этих примеров Смола заключила, что с 1985 года бывшие советские писатели начали выстраивать диалог между социалистической и западной версиями глобальности уже в ином качестве — как представители периферийных этнических групп, борющиеся за сохранение коренных культур, экологического этоса и гражданских прав. Национальные же литературы стали важным средством политического активизма, с помощью которого происходила адаптации к новой реальности. В докладе было показано, как (пост)советские национальные писатели пытались примирить советскую идеологию деколонизации с глобальными и западными деколониальными и постколониальными нарративами. Смола утверждает, что, хотя вмешательство писателей в политику коррелировало с глобальными культурными движениями, все же они действовали в духе советской культурной идеологии, а активизм «снизу» можно расценивать как часть советской транснациональной современности. Дело в том, что многие из организованных ими «низовых» инициатив возникли из идеологии и этики многонациональной советской литературы, являвшейся и наследием социалистической империи, и продолжением традиций локальных литературных институтов в СССР. В этой деятельности, начатой советскими национальными писателями во время перестройки, Смола усматривает симптомы культурной и политической гибридации, а также образовавшейся неопределенности по окончании холодной войны. Более того, перестройка стала временем формирования альтернативной глобальности без приня-

тия полноценных «западных» демократических ценностей, что во многих случаях привело к появлению различных культурных идеологий современной эпохи.

Финальным в этой секции стал доклад *Эрин Хатчинсон* (Университет Колорадо в Боулдере, США) «*О чем же мы говорим, говоря о Сталине: Десталинизация в контексте многонациональной советской литературы*», речь в котором шла о переживании творческим сообществом процесса десталинизации — частичного отказа от былых управленческих практик и частичной же ревизии эстетических критериев многонационального канона²⁷. Хатчинсон отметила, что научная дискуссия о десталинизации на протяжении долгого времени концентрировалась на темах памяти о Большом терроре 1937—1938 годов и ГУЛАГе. Однако это были далеко не единственные темы, которые обсуждались в творческом сообществе и о которых писали после судьбоносного XX съезда КПСС. Опираясь на архивные стенограммы обсуждений «Секретного доклада» Никиты Хрущева, состоявшихся на партийных собраниях писателей в Москве, Ереване и Киеве, Хатчинсон стремится расширить устоявшийся взгляд на десталинизацию не только тематически, но и географически. Как было показано в докладе, XX съезд партии положил начало всесторонней критике сталинского режима: звучавшие в «оттепельные» годы претензии выходили далеко за рамки критики пресловутого «культа личности». Так, на партийных собраниях писатели обсуждали ухудшение состояния окружающей среды (Армения), антисемитскую дискриминацию (Москва) и голод 1933 года (Украина). Общей же чертой дискуссий, ознаменованных XX съездом, стала полемика по поводу идеологических кампаний эпохи Жданова — поздний сталинизм занимал в дискуссиях середины 1950-х такое же важное место, как «чистки» конца 1930-х. Таким образом, доклад Хатчинсон вскрыл те механизмы культурной инженерии, которые, с одной стороны, определили моторику многонационального литературного проекта и, с другой стороны, запустили процесс перестройки многонационального же канона, вскоре распавшегося на относительно самостоятельные литературные «традиции».

Именно этим «традициям» и многочисленным версиям советской литературной истории была посвящена заключительная секция конференции. Открыл ее доклад *Дали Саткауските* (Институт литовской литературы и фольклора, Вильнюс, Литва) «*Литовская версия социалистического реализма: Навязанная доктрина и встроенная традиция*», ставший развитием темы «экспорта» соцреализма в культуры стран Восточного блока²⁸. По мнению Саткауските, процесс внедрения социалистического реализма в литовскую литературу, которая стала частью советского многонационального проекта после советской оккупации в 1940 году, напрямую не следовал общей схеме воспроизводства русской модели, несмотря на то что создание локального варианта соцреализма напрямую регулировалось местным руководством компартии. Происходило не только перенесение «готовых» со-

27 Отметим, что в зачаточном виде эта тема присутствовала уже в: *Hutchinson E. The Cultural Politics of the Nation in the Soviet Union After Stalin, 1953—1991: PhD diss. Harvard University, 2020.*

28 О насаждении соцреализма в национальных культурах республик СССР и стран «Восточного блока» см., например: *Хархун В.П. Соцреалістичний канон в українській літературі: генеза, розвиток, модифікації. Ніжин: Гідромакс, 2009; Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses. London; New York: Anthem Press, 2018; Садовский Я. Литература — архитектура — тоталитарный канон: Случай Польши // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 (167). С. 75—88. См. также: Пономарев Е.Р. Экспорт и реэкспорт соцреализма: Восточноевропейские литературы в контексте советского толстого журнала (конец 1940-х годов) // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 93—112.*

циалистических сюжетных схем в инокультурное пространство, но и их трансформация, приспособление с целью оправдания оккупации и отвержения наследия независимой Литовской Республики. Саткауските показала, что в процессе фиктивного поиска национальных источников соцреализма и буквальной выработки «самого передового художественного метода» преодоление характерных для литовской литературной традиции ограничений оказалось попросту невозможным. Прозвучавший доклад ожидаемо возобновил полемику, начавшуюся еще в первый день конференции. Евгений Добренко, долгие годы развивающий концепцию гомогенности общесоветского многонационального культурного поля, не согласился с доводами Саткауските о существовании локальной литовской версии соцреализма и противопоставил им подход, который предполагает унифицирующий взгляд на характер соцреалистической экспансии. Развернувшаяся дискуссия еще раз подчеркнула теоретическую ограниченность тех объяснительных схем, которые скорее способствуют изолированному подходу к конкретному материалу, нежели открывают пути целокупного осмысления сложной, многослойной и разноразмерной культурной ситуации в СССР 1920—1950-х годов.

Тема локальных деформаций и мутаций советской эстетики получила развитие в докладе *Алессандро Акилли* (Университет Кальяри, Италия) «*Между модернизмом и советизацией: Микола Бажан и Павло Тычина в 1920—1930-е годы*». Украинская культура в начале — середине 1920-х годов смогла развить процветающую «модернистскую» литературу, которая отразила сопричастие и продуктивный синтез множества стилистических черт — от неосимволизма до радикального авангардизма. Акилли, беря в учет общесоветскую тенденцию к редукции творческой инициативы, стремился разобраться в том, как она преломилась в области конкретной национальной культуры. В центре его внимания — литературные биографии П.Г. Тычины и М.П. Бажана, двух едва ли не главных авторов в украинской советской поэзии на протяжении длительного периода культурной истории СССР. В 1920-е Тычина приспособил символистскую поэтику к революционной теме и описанию «украинского возрождения» в соответствии с множеством стилевых подходов, в то время как Бажан сумел объединить авангардные жесты и модернистскую приверженность сложности с переоценкой «типичных» украинских стилей и тем. Соцреалистическая экспансия изменила тактику работы поэтов: им пришлось пересмотреть свои литературные установки и объединить внутреннее стремление к сложности с требовавшейся «плакатностью» и внятным запросом на «понятную литературу». Разбирая многочисленные примеры из текстов Бажана и Тычины, Акилли пришел к выводу о том, что в довоенные годы справедливо говорить о существовании гибридной эстетики в республиканских культурах, где насаждавшийся соцреализм еще не до конца уничтожил эстетическое наследие рубежа веков²⁹.

Честь закрыть конференцию выпала *Татьяне Островской* (Институт Гердера, Марбург, Германия), выступившей с докладом «*От национального к социалистическому и обратно? Всесоюзный триумф белорусской военной прозы*». Территория Беларуси и ее население, пожалуй, сильнее остальных пострадали во время войны, что, по словам докладчицы, определило характер развития белорусской советской литературы на последующие десятилетия. Еще в 1944 году писатель Кузьма Чорный в романе «Млечны Шлях» размышлял о мытарствах «белорусского человека среди своих европейских соседей». Чорный утверждал, что важно учитывать контекстуализированный, локальный опыт войны. Тем не менее с 1950-х до

29 Подробнее см.: *Achilli A. Four Decades of Modernist Revolution: Creating a New Subjectivity in Ukrainian Poetry, 1900—1940* // *Harvard Ukrainian Studies*. 2021. Vol. 38. No. 1—2. P. 107—134.

середины 1960-х годов, когда появились первые романы В.В. Быкова, белорусская литература, казалось, обещала произвести значительный, меняющий общую парадигму вклад в область советской военной литературы. Отчасти так и произошло. Быков и его младший коллега Алесь Адамович окончательно преодолели локальную ограниченность и вышли на общесоюзную издательскую сцену только в конце 1960-х годов — безусловно, благодаря своим связям с влиятельными кругами партийной интеллигенции в Москве. Островская рассмотрела путь белорусской военной прозы к «триумфу» от позднего сталинизма до начала перестройки и ее успешной интеграции в общесоюзный многонациональный литературный канон; особое внимание при разборе частных примеров было уделено взаимодействию национальных и социалистических перспектив в советской белорусской военной литературе, их конкуренции и одновременному же взаимовлиянию. «Триумф» этот совпал с приходом П.М. Машерова к власти в качестве главы Белорусской коммунистической партии. Дело в том, что именно Машеров приложил много усилий для создания и тиражирования образа советской «Победы» и места Беларуси в ней, что, однако, не всегда было бесспорным в отношении к политике памяти эпохи Брежнева.

По итогам конференции было решено подготовить и издать сборник статей, куда войдут расширенные версии прочитанных докладов. Хочется надеяться, что состоявшаяся конференция откроет целую череду научных мероприятий, целью которых станет поиск способов создания подлинно научного нарратива о советской культурной жизни.

Дмитрий Цыганов

Экономические исследования приграничных территорий Северной Евразии:

ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И БУДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Международный семинар

**«Переосмысление пограничных капитализмов:
экономические практики и борьба за ресурсы
в (пост)имперской Сибири и Центральной Азии»**

(Свободный университет Берлина, 1–2 февраля 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_416

В последнее время экономическая история переживает заметный подъем благодаря интересу к глобальной истории незападных стран и регионов. Эти территории, часто находившиеся на периферии европейских континентальных и морских